

Кусчуй НЕПОМА

МИР, ДАЛЕКИЙ, СПРАВЕДЛИВЫЙ, СЧАСТЛИВЫЙ

Рассказ

13 августа 1941 года подросток Степан Круглов был схвачен во время облавы на улицах Пскова. Чуть ранее, в полдень того же дня, в одном из дворов нашли заколотым финским ножом ефрейтора 36 пехотной дивизии вермахта Гельмута Глэкнера. Немцы молниеносно провели карательную акцию в отношении местного населения: десять русских за одного убитого немца. Недалеко от городского рынка остановился грузовик с двумя десятками солдат. Женщин и детей не трогали. Среди задержанных были два старика, два подростка, остальные – взрослые мужчины. Одним из подростков и был Степан Круглов, пятнадцати лет от роду, работавший слесарем в паровозном депо.

Степан не сопротивлялся, когда его волокли к столбу, врытому у кирпичной стены. Да и что он, дохляк, мог поделаться с двумя крепко сбитыми солдатами вермахта! Ему вывернули руки и стянули их за столбом вытяженным из штанов Степана ремнем. Удивительно, но Степан и допустить не мог, что с ним сейчас случится что-то плохое, ведь он всего лишь выскочил на несколько минут, чтобы выменять на рынке пачку папирос. В самом деле, невозможно было поверить, что вот он, только что бывший живым, вдруг непонятно почему прекратит свое существование. Не иначе как все происходящее сейчас было какой-то игрой, кинематографом. И потому с каким-то особым любопытством Степан стал разглядывать то, как слева привязывают к столбу отчаянно сопротивлявшегося худого мужика в разодранном пиджаке, смотреть на то, как с другой от него стороны старик закусил седую реденькую бороду, а косящий глаз его налился кровью, на то, как лениво выстраивается напротив солдатская шеренга, с каждым мгновением все более ровная, на то, как офицер, заложивший руки за спину и разглядывавший развалины на противоположной стороне улицы, медленно покачивается с пятки на носок, словно маятник настенных часов, на то, как какой-то мальчишка лет восьми, по малолетству не боясь ничего, грызя ноготь, рассматривает карабин одного из солдат. Степан увидел еще одного офицера, по всей видимости не до конца вылечившегося после ранения и потому опиравшегося на трость. Трость сейчас мешала ему настроиться на съемку фотоаппарат. То, что это был фотоаппарат, Степан понял сразу, как только блеснул на солнце открытый объектив, такие он видел в фотокружке при дворце пионеров. Фотодело давно его интересовало, все эти экспозиции, ракурсы, фокусные расстояния, проявители и закрепители казались ему магическим миром. Но купить себе какой бы то ни было фотоаппарат, конечно, не было возможности. А сейчас немец возился с камерой, не зная, куда пристроить мешавшую трость. В конце концов он поманил пальцем мальчика и протянул ему трость, жестом приказав стоять рядом. Офицер-маятник, не переставая раскачиваться, оглянувшись, что-то кратко спросил. Было похоже, что он, а вместе с ним и вся шеренга солдат, ждут, когда же все будет готово к съемке.

Кусчуй Непома (Михаил Петров) родился в 1966 году в Рыбинске. Окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета, аспирантуру. Переводчик испаноязычной литературы. Переводы выходили в издательствах «Амфора», «Азбука», «Симпозиум», «Наука». Автор сборников «Иоахим Воль, передвигатель шахматных фигур» (Луганск: Шико, 2011) и «Треугольник случайных неизбежностей» (Луганск: Шико, 2013). В «Волге» публиковалась проза (2014, 2016, 2017, 2020). Живет в Санкт-Петербурге.

Много бы дал Степан за возможность, как было когда-то в фотокружке, взглянуть в видоискатель, подобрать экспозицию, навести фокус, нажать на кнопку. Он даже как будто ощутил, что руки его освободились от ремня и он больше не привязан к столбу, он свободен, и более того, в руках его фотокамера и пальцы крутят кольцо резкости, а глаз прильнул к видоискателю, оценивая композицию кадра. Еще мгновение – и он нажимает на спусковую кнопку. Птичка! Пальцы, преодолевая сопротивление механизма, перематывают пленку на следующий кадр. Следующий кадр!.. И в этом ощущении свободы, в котором мир видится через прорезь видоискателя как последовательность кадров, Степана меньше всего интересует он сам – тот парень, что с выкрученными руками ощущает спиной отполированный столб с бурыми подтеками, его мало интересуют и другие привязанные к столбам несчастные. Ведь ничего страшного не произойдет, всего лишь один кадр сменится другим, и он, Степан Круглов, будет жить бесконечно долго, переживет эту войну, в которой наши обязательно победят, а враг будет непременно разбит. А он конечно же увидит через видоискатель фотоаппарата новый мир, далекий, справедливый, счастливый. И вот он уже видит себя солидным взрослым человеком, вчера отметившим тридцатипятилетие, идущим по длинному коридору, на лице его улыбка, он невольно косится взглядом на край подола синего халата молоденькой сотрудницы городского архива, на чулки, скрывающие крупные икроножные мышцы, на завязанный на затылке хвост, маятником качающийся на спине.

– Какое у вас редкое по нынешним временам имя, – сказала она, когда он назвал себя.

Степан пожал плечами: имя как имя. Как назвали, на то и отзываюсь.

– А у меня самое обычное – Оля.

Степан пожал ее маленькую, но крепкую ладонь.

– Пойдемте, я вас провожу в спецхранилище. Там вы сможете и перенять все, раз у вас и разрешение начальства есть.

И вот Оля открывает дверь в конце коридора, показывает на столик у окна, перекладывает стопку книг и общих тетрадей на подоконник, освобождая для него, Степана Круглова, место. А потом кладет на стол ту папку, которую до сих пор бережно несла в руках. И Степан видит на этикетке написанные от руки буквы: «Негативы. Псков 1941–1942 гг. Фотографировал механик Эрнст Валлиш. Пленки прислала его дочь Ингрид Кройтер».

Он сказал спасибо, проводил взглядом Олю: тот же хвост, раскачивающийся маятником на спине, тот же край синего халата, те же скрытые чулками плотные икры. Дождавшись, пока она прикроет за собой дверь, Степан дернул за белые тесемки, открыл папку. Внутри сверху лежали завернутые в бумагу нарезанные по шесть кадров негативы, он достал одну полоску, посмотрел на свет и снова завернул негативы в бумагу, отложил в сторону, потому что в папке под описью лежали фотографии.

Месяц назад Степан оказался в Пскове со съемочной группой. Снимали несколько интервью для сюжета об оккупации Пскова. Кто-то из интервьюируемых обмолвился об этих фотографиях, однако тогда этому факту не придали значения, да и командировка уже заканчивалась. Но потом, когда пересмотрели-переслушали интервью, вспомнили об этом. И вот Степан напросился снова поехать в Псков. В гостинице удалось выторговать себе одноместный номер. Устроившись, Степан вышел в город. Был вечер, все деловые мероприятия он успеет сделать завтра. А сегодня можно отдохнуть. Вечерний Псков, теряющий жар летнего дня, был гостеприимен: фонари на улицах и скверах, кафе, гуляющая молодежь. Время от времени Степан снимал на свой фотоаппарат зарисовки вечернего Пскова. Потом он свернул на какую-то полутемную улицу. Одинокий фонарь освещал несколько врытых в землю столбов возле старой, почти развалившейся кирпичной стены. Какое-то безвременье сквозило в этом грустном пейзаже. Он фотографировал его.

Вся его десятилетняя работа на студии документальных фильмов не превратилась пока в рутину. Рабочие командировки, встречи с новыми людьми оправдывали переход из скучного изда-

тельства на Фонтанке в бурлящий идеями дом на Крюковом канале. Это был другой ритм жизни, другой способ существования.

Степан не спеша перебирал фотографии из папки. Полуразрушенная колокольня с висящим почти в пустоте колоколом. Советский танк КВ с разбитой гусеницей на улице. Столб с указателями на немецком языке – зашифрованные названия частей, и лишь две понятные: Poczow, Leningrad. Переправляющийся через реку паром с двумя бронемашинами... Все-таки удачная вышла командировка. Он ведь и не рассчитывал, что удастся так быстро добиться разрешения переснять фотографии. Спасибо Оле за содействие, приятная девушка. И симпатичная... Военный духовой оркестр на фоне свастики на сколоченной сцене и слушающие его немецкие солдаты и местные дети. Отдыхающий на железной кровати немецкий офицер с книгой в руках. Медсестры с офицерами у входа в госпиталь. Застолье немецких военных со свечами и фарфоровым чайным сервизом... Надо будет пригласить Олю на обед. В качестве благодарности за участие. Или на ужин, ведь время обеда уже вышло. Нет, ничего кроме ужина, поскольку у него поезд. А жаль, ведь мог побыть в Пскове и подольше... Рыбный рынок на берегу около моста, прилавок, весы с гирьками, горка мелкой рыбешки. Портреты горожан: сидящая на бревнах женщина в лаптях и рваном пальто, прижимающая двух девочек лет пяти в обносках, старик с седой бородой, шурящийся на солнце, две женщины, тянущие повозку с гробом... Ничего не стоило ведь выбить себе лишний день командировки. Подумал, что успею. Да и прав оказался, успел, но можно было и не спешить. Оля эта весьма соблазнительная девица. Да и обручального кольца он у нее не заметил...

На обратной стороне одного из снимков было написано: «Август 41-го. Расстрел десять за одного». Столбы, привязанные к ним несколько человек, карабины, вытянувшие стволы в их сторону. Напряженные лица зрителей. Сбоку кадра размытое лицо мальчишки. Один из привязанных к столбам выглядел странно, не было в нем испуга, испуга перед неминуемой смертью. Напротив, на его губах застыла улыбка, он смотрел прямо в объектив фотоаппарата этого, как его... Степан посмотрел на обложку папки. Эрнста Валлиша, механика Эрнста Валлиша... Следующий снимок был с той же точки, только тела теперь обвисли бесформенными тюфяками. Между этими двумя снимками было мгновение. Мгновение длительностью в ружейный залп. Степан снова перевел взгляд на предыдущий снимок. Подумал, что еще миг и... Степан почувствовал толчок в грудь, резкая боль пронзила мозг, голова стукнулась затылком о столб и опустилась на грудь, в то время как глаз его продолжал выхватывать через волшебный видеоискатель папку с фотографиями, вид из окна на кирпичную стену, девушку с убранными в хвост волосами, сидящую напротив него – видения из другого мира, далекого, справедливого, счастливого.